

Проект «Транзит»

Роль международных организаций

 FREE
RUSSIA
FOUNDATION

2024

**Василий
Гатов**

**Вадим
Гришин**

Любая страна в переходном периоде от диктатуры к демократии сталкивается с проблемой восстановления гражданского мира — в том числе в части возвращения в политическую жизнь политиков и политических сил, которых преследовал предыдущий режим, и необходимости привлечения к ответственности тех, кто это преследование направлял и осуществлял.

Наиболее одиозный компонент путинского режима — отношение к политическим противникам, оппозиционно настроенным гражданам и в целом к обязательствам в области прав человека. Поэтому среди решений, определяющих переход России к демократическому транзиту, — немедленное освобождение и полная реабилитация политических заключенных, восстановление прав человека в соответствии с обязательствами России в рамках ОБСЕ (что подразумевает восстановление полноценного участия России в деятельности ОБСЕ, в том числе отказ от путинской политики непризнания ЕСПЧ и возвращение нормы о верховенстве международного права в Конституцию и законодательство России). Это направление находит поддержку у государственных и общественных организаций США, стран Евросоюза и др.

Существенная часть санкций, наложенных на Россию, ее граждан и организации, связана с нарушениями прав человека. Принятие в США, а потом и в некоторых других странах «закона Магнитского» позволяет внешнеполитическим и финансовым органам этих стран расширять санкционные списки при обнаружении новых фактов и обстоятельств. Деятельность OFAC, Министерства финансов США и аналогичных институций Евросоюза и Великобритании постоянно повышает ответственность российской элиты за коррупцию и злоупотребления в сфере прав человека. Список подсанкционных физических лиц давно перевалил за тысячу, и можно предположить, что к моменту начала движения страны к демократическому транзиту он еще вырастет.

Как нам представляется, **внешнее дипломатическое давление на переходную власть в постпутинской России должно развиваться только и исключительно в части освобождения политических заключенных и их реабилитации**, а также снятия незаконных ограничений на участие в политической жизни на основании «иноагентства», двойного гражданства и др. Вопрос введения переходного правосудия, люстраций и тем более уголовного преследования нужно относить к компетенции законно избранных органов власти новой России: в международной повестке эта проблема может быть сформулирована только как возвращение России к обязательствам в рамках ОБСЕ; освобождение и реабилитация политических заключенных вполне вписывается в эти рамки.

Дополнительным источником существующей напряженности (можно предположить, что и будущих сложностей в отношениях с постпутинской Россией) являются арестованные рядом стран Европы, Соединенными Штатами, Канадой и Японией российские активы. Большая часть этих средств являются частью резервов Центрального банка РФ, однако представлены и средства госкорпораций, и частных лиц и компаний (нерепатриированная выручка, депозиты, средства на escrow-счетах, клиринговые депозиты и др.). По состоянию на весну 2024 г. в ряде стран приняты законодательные акты, частично разрешающие использование арестованных российских активов для помощи Украине (рекомендательные решения Европарламента, REPO — недавно принятый закон США, разрешающий президенту конфискацию замороженных российских активов, решения Еврокомиссии в отношении дивидендов, получаемых от арестованных активов¹). С достаточной уверенностью можно предположить, что судьба резервов ЦБ РФ в любом случае станет предметом переговоров после смены режима — вне зависимости от того, будут ли они использованы для помощи Украине в войне или послевоенном восстановлении. Полная конфискация корпоративных и частных средств создает существенные риски имущественных претензий со стороны пострадавших (в том числе и находящихся под санкциями лиц и организаций). Моральная оправданность конфискации и последующего использования российских активов не отменяет существенных дипломатических и юридических последствий, поэтому политические решения должны продумываться и балансироваться не только текущими, но и будущими интересами.

1 См. например, <https://apnews.com/article/russia-ukraine-treasury-sanctions-assets-congress-0a3bc97a2d6d77ce3650c767db6ea7ed>.

Western Stakeholders

Министерства иностранных дел стран ЕС и руководство Еврокомиссии, ОБСЕ, Европейский суд по правам человека, Европарламент, парламенты стран ЕС, Парламентская ассамблея Совета Европы, Международный уголовный суд. Глобальные правозащитные организации, в том числе Amnesty International, International Memorial, Freedom House, CPJ и др.

Рекомендации

- Провести полный юридический анализ законов и нормативных актов РФ, которые либо сами по себе, либо косвенно (через допущение специфических практик) нарушают международное гуманитарное право, обязательства России в рамках ОБСЕ.
- Сформировать несколько последовательно расширяющихся пакетов условий восстановления политических и гражданских прав граждан России для переговоров в рамках постпутинского периода.
- Обеспечить согласованность действий государственных органов, международных институтов и общественных/гражданских организаций по вопросам демонтажа санкций при возвращении России в рамки общеевропейского поведения.
- Следует проявлять максимальную осторожность в части расширения списка потенциально привлекаемых к ответственности за военные преступления/преступления против человечности российских политических деятелей и военных руководителей; **любой из потенциальных обвиняемых может одновременно оказаться и инициатором мирного разворота России после окончания эпохи Путина.**
- Вместе с тем, возможно, стоит рассмотреть создание специального института по подготовке российского транзита в будущем (на основе существующей инициативы депутата Европарламента Андриуса Кубильюса). Такой институт Европарламента мог бы проводить мониторинг продолжающихся негативных изменений в законодательстве РФ, собирать и классифицировать случаи политически мотивированного преследования оппозиции и инакомыслящих (включая тех, кто подвергается репрессиям по религиозным основаниям), сотрудничать с российскими активистами и политиками в изгнании в разработке идей будущих изменений в РФ. Деятельность такого специально созданного института приобретет

особую важность тогда, когда российское население начнет всерьез разочаровываться в режиме Путина (и «постпутина») и снова обратит взоры на примеры демократических обществ.

Вопросы стратегической безопасности

В русле политики эскалации в отношениях с США и НАТО Владимир Путин фактически вывел Россию из большинства действующих международных и двусторонних соглашений. В феврале 2026 г. истекает срок действия СНВ-3 — последнего двустороннего соглашения о контроле над стратегическими вооружениями. Россия уже приостановила свое участие в нем. Нанесен огромный ущерб не только постсоветским достижениям российской дипломатии, но даже тем, которые инициировал и поддержал Советский Союз. Фактические действия в части нарушения стратегической стабильности пока ограничились агрессивной ядерной риторикой, снижением потолка использования ядерного оружия (ЯО) и перемещением небольшого количества тактических ядерных боеприпасов в Беларусь, но доверию, прежде всего со стороны США, нанесен огромный ущерб.

Вопросы стратегической стабильности, ЯО и средств его доставки — единственный пункт внешнеполитической повестки США, где Россия до сих пор занимает центральное место. Это козыри Кремля в отношениях с Америкой (и отчасти НАТО), таковыми они будут и для любого переходного правителя страны.

Несмотря на расположение Владимира Путина к Китаю, расширение стратегических возможностей Пекина в равной мере беспокоит и московских переговорщиков, и военных. Нормализация в этой сфере неразрывно связана с вопросами нераспространения ЯО: очередной виток напряженности в мире (от войны в Украине до террористической войны ХАМАС с Израилем), рост конфликтного потенциала во многих регионах почти наверняка заставит многие страны задуматься о собственном ядерном оружии. Без активной поддержки России в части соблюдения режима нераспространения усилий США, Франции и Великобритании может быть недостаточно. Это относится и к вызовам в отношении контроля над современными конвенциональными типами вооружений, которые становятся все более разрушительными.

Рано или поздно встанет вопрос о заключении новых соглашений о контроле над вооружениями, как ядерными, так и обычными. Исторически сложилось, что международные (дву- и многосторонние конвенции) в отношении ограничения, сокращения, запрета определенных вооружений являются частью инфраструктуры ООН (прежде всего женевского офиса организации), а в узкой «ядерной части» — еще и МАГАТЭ (IAEA). Договор об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ) в силу своего панконтинентального статуса частично входил в компетенцию ОБСЕ. Поскольку Российская Федерация фактически прекратила свое членство в большинстве конвенций при Путине, переговоры о создании новых ограничивающих договоров должны включать в себя продуманные инструменты контроля за исполнением обязательств и санкций в отношении стран, игнорирующих согласованные требования. Возможно, имеет смысл заранее обсудить некоторые конвенциональные договоренности в кругу европейских структур безопасности с учетом мнения США.

Накопившиеся проблемы устойчивости и укрепления региональной стабильности потребуют глубокого урегулирования отношений с ближайшими соседями. Если будет достигнут прогресс в примирении России и Украины, вероятно, возникнет окно возможностей для обсуждения территориальных конфликтов в Грузии и Молдове, которые остаются таковыми из-за дипломатической и военной позиции Москвы. Эта перспектива особенно важна для европейской дипломатии, но к ее появлению следует серьезно готовиться — в том числе налаживая связи с лидерами сепаратистских режимов и обсуждая варианты возможного дипломатического решения под эгидой ОБСЕ и/или ООН. Можно предположить, что у переходной власти в постпутинской России не будет времени и стимулов заниматься Абхазией, Южной Осетией и Приднестровьем; вероятно, это понимают и лидеры сепаратистов. Никто, кроме Еврокомиссии, не может эффективно влиять на правительства Грузии и Молдовы (которые стремятся в Евросоюз); задача — исключить силовые и военные эксцессы, если процесс дипломатической деэскалации в *breakaway regions* удастся запустить при согласии России.

Дипломатия США и Европы также может выступить модератором в отношениях будущей России с другими соседями, прежде всего балтийскими странами. Потребуется переговоры о взаимных гарантиях безопасности по линиям соприкосновения России и НАТО (с учетом присоединения к альянсу Финляндии и Швеции эта задача становится важнейшей и с точки зрения безопасности Балтийского моря, важна она и с экономической, и территориальной точки зрения — из-за эксклава

Калининградской области).

Понятно, что ответственная власть в Москве не имеет права оставлять нерешенным вопрос о калининградском транзите. Со своей стороны, Евросоюз и особенно страны Балтии могут иметь особое мнение об уровне милитаризации побережья и ожидать от России встречных шагов. В практическом плане это означает возможность заключения новой адаптированной версии ДОВСЕ с учетом новых конвенциональных видов вооружений и изменившихся геополитических реалий, а также резко увеличившейся линии соприкосновения РФ с НАТО. В более общем измерении речь могла бы также идти о возобновлении консультаций между РФ и НАТО по широкому кругу вопросов, ориентированных на предотвращение кризисных ситуаций.

Многополярность

Задача внешнеполитических ведомств, различных институтов США, ЕС и других союзников в постпутинский период — помочь России преодолеть или хотя бы сбалансировать притяжение Китая, выйти за рамки «плохой женитьбы». Сохраняя конструктивные, но конкурентные отношения с Китаем в интересах национальной экономики и поддержки транспортной инфраструктуры глобальной торговли, нужно будет удержать Россию от скатывания в вассальную зависимость от Пекина — которая, по мнению большинства аналитиков, будет являться угрозой стратегической стабильности.

Это задача высшей категории сложности — не только потому, что все участники хотели бы сохранить нормальные деловые отношения с Китаем, сопротивляясь при этом его стремлению занять лидирующие, гегемонистские позиции в мире, но и потому, что процесс глобальной экономической фрагментации продолжает ускоряться. Это подразумевает дальнейшую расстыковку позиций Вашингтона и Пекина, в том числе в технологической сфере. Нельзя исключать и обострения конфликта вокруг Тайваня, которое может привести систему международных отношений к жесткой американо-китайской биполярности.

Сторонники влиятельной в США внешнеполитической школы мысли, реалисты, давно ратуют за необходимость повторения в рамках геополитического треугольника Вашингтон-Пекин-Москва судьбоносного для итогов первой холодной войны маневра Киссинджера-Никсона

(которые пошли на сближение с Китаем Мао), на этот раз выбрав вместо Пекина Москву. Нельзя исключать, что новое правительство России захочет использовать эту сюжетную линию, чтобы ускорить смягчение санкционной пресса и облегчить получение необходимых для модернизации западных ресурсов и технологий.

Western stakeholders

Внешнеполитические мозговые центры США и ЕС (CFR, Atlantic Council, Brookings, Carnegie Endowment for Peace, Chatham House, ECFR и др.).

Рекомендации

Учитывая сложность и чувствительность проблемы, в том числе возможную неоднозначную реакцию со стороны Китая, продолжать углубленный мониторинг ситуации в российско-китайских отношениях на всех возможных уровнях — политических и экономических связей, военных и военно-технических контактов и др. Подготовить различные сценарии, когда и на каких условиях сближение с Москвой (с учетом возможного преобладания интересов разных групп в руководстве Китая и России) становится возможным и целесообразным в контексте отношений в геополитическом треугольнике Запад-Китай-Россия.

Международные организации

Россия в качестве правопреемника СССР является страной-основателем ООН, постоянным членом Совбеза ООН с правом вето и активным участником всех агентств и инициатив ООН. Она входит в большинство глобальных экономических объединений — Всемирный банк, МВФ, ВТО. Россия является членом большого количества международных организаций, вырабатывающих, например, глобальные правила для отраслей и технологий; это такие разные структуры, как ОПЕК+, Международный союз электросвязи (ITU) и др. Россия создала (и преимущественно контролирует) несколько евразийских региональных образований, связывающих бывшие части СССР: ЕвразЭС, ОДКБ, союзное государство России и Беларуси. Они в лучшем случае являются манифестацией региональных амбиций Кремля и воплощают его стремление «держать руку на пульсе» бывших советских республик.

Не только Россия проводит свою политику в международных

структурах, но и они вырабатывают свое отношение к стране. Примерные перспективы отношений России с международными организациями можно коротко описать следующим образом.

Из всех требований Украины в рамках условий мира с Россией наименее реалистичным является отказ (или лишение) места постоянного члена Совета безопасности ООН: Москва будет отстаивать и право голоса, и право вето. Безусловно, что снижение агрессивности во внешней политике РФ потребует как назначения нового постоянного представителя при ООН, так и замены всего руководящего состава Департамента международных организаций МИД и руководства МИДа в целом. Было бы правильно, чтобы Россия повысила внутривластный статус постпреда при ООН, сделав его политическим назначенцем, утверждаемым парламентом наравне с другими членами кабинета министров — да и вероятная переговорная активность в процессе и после достижения мира в Украине потребует наличия в Нью-Йорке не только команды профессиональных дипломатов, но и доверенного политического представителя руководителя(ей) страны. Потребность в политических назначенцах возникнет и на уровне послов в ключевых столицах — Вашингтоне, Киеве (после восстановления дипломатических отношений), Брюсселе, Берлине, Париже, Лондоне, Дели и Пекине.

Если посмотреть на историю поведения России и СССР в ООН, можно заметить, что любые кризисы в Москве приводят к смягчению и даже пересмотру жестких позиций страны по ряду важных международных вопросов. Не исключено, что нас ждет повторение этой ситуации — и counterparts российского представителя в ООН должны быть готовы не столько к тому, чтобы добиться от него односторонних уступок, сколько к предложению конструктивного сотрудничества по широкому спектру накопившихся за годы конфронтации текущих проблем в деятельности ООН.

Агентства ООН, включая миротворческие силы организации, могут и должны сыграть важную роль в послевоенном урегулировании и восстановлении Украины. Возможно, именно ООН может предложить неунизительный для России вариант финансовой компенсации пострадавшему соседу через фонды агентств ООН. Подобные модели должны быть проанализированы и подготовлены заранее, заинтересованные страны могли бы присоединиться к инициативам, способным не только помочь в урегулировании, но и повысить авторитет международной организации.

Организации, входящие в систему ООН, потенциально вовлеченные в поствоенное урегулирование в Украине

Совет безопасности ООН

UN Peacekeeping Force

International Court of Justice

UN Secretariat

International Atomic Energy Agency

United Nations Development Programme

United Nations High Commissioner for Refugees

International Civil Aviation Organization

Food and Agriculture Organization

World Bank

International Monetary Fund

Страны, высказавшие заинтересованность в послевоенном восстановлении Украины

США

Евросоюз в целом

Италия

Испания

Австрия

Латвия

Литва

Эстония

Греция

Дания

Китай

Турция²

² Список составлен на основании заявлений, сделанных официальными представителями стран в прессе в 2022-2023 гг.

Переходная Россия могла бы оказаться удобным партнером для подготовки и проведения реформы ООН, которая давно назрела. Как постоянный член Совбеза ООН, **Россия в некотором смысле держит в своих руках ключи к решениям, которые могли бы быть на определенных условиях приемлемы и для Китая, и для западных партнеров** (например, расширение числа постоянных членов Совбеза, в том числе за счет Индии, с которой у Китая сложные отношения). Это относится и к вопросам постепенного смягчения право вето и перехода к принятию решений квалифицированным большинством Совбеза ООН по отдельным консенсусным темам.

Все эти пункты — проработка идей, решений и вариантов, — в полной мере относятся и к компетенции ключевых дипломатических ведомств всех постоянных членов Совбеза ООН — от Государственного департамента США и Форин-офиса Великобритании до Кэ д'Орсе Франции и МИД Китая.

Бреттон-Вудские организации — МВФ и Всемирный банк — скорее всего, не будут играть столь важной роли в отношении с будущей Россией, как в начале 1990-х. Оснований для специальных программ помощи стране не видно и не просматривается, а системы экономической информации и отчетности, созданные в России при участии МВФ и Всемирного банка (сейчас они дают сбои), существенно легче восстановить, чем отстраивать с чистого листа, как 30 лет назад. Наконец, можно надеяться, что власть будущей России — что переходная, что постоянная, — не будет нуждаться в подрисовках и подтасовках для сокрытия коррупции или провальных правительственных проектов. Хочется надеяться, что мировые финансовые институты (Всемирный банк, Международный валютный фонд, European Investment Bank/EBRD, IFC) извлекут уроки из ошибок патерналистской практики 1990-х и не станут рекомендовать России сокращать и без того мизерные социальные расходы ради стабильности рубля. В противоположность обычным практикам этих организаций, основанных на исключительно монетаристских моделях, *austerity* и отнесению социальных расходов государств «на будущее», в постпутинской России большее внимание нужно будет уделить вопросам социальной ответственности государства, построению более справедливой системы распределения национального богатства и борьбе с коррупцией. Фактическая формулировка этих решений является суверенной обязанностью будущей российской власти, но международные экономические институты могли бы предложить (не навязывая) экспертизу, критику, макроэкономические предупреждения и прогнозы. Некоторые компоненты такой экспертизы

могут быть подготовлены заранее, например, в части демилитаризации экономики, эффективного антикоррупционного законодательства и организационных решений, сокращающих численность и полномочия бюрократического аппарата, методов снижения региональных экономических диспропорций, перехода к возобновляемым источникам энергии. Более того, **такая работа может происходить с участием российского гражданского общества в изгнании**, которое включает значительное количество экспертов в области экономики, устойчивого развития, экологии, антикоррупционных практик и т.д.

Что касается международных организаций, созданных по инициативе России на пространстве бывшего СССР в 1991-2023 гг., их искусственность и паразитический характер станут очевидны при любом кризисе власти в Кремле — будь то нормальный процесс преемственности или что-то менее предсказуемое. Скорее всего, будущая Россия либо сама инициирует роспуск этих «живых дипломатических мертвецов», либо согласится с предложением других членов об их радикальной трансформации.

Более сложная судьба у членства Москвы в организациях, созданных по инициативе или с участием Пекина. Некоторые будет целесообразно покинуть или хотя бы понизить в них свой статус (например, в ШОС), а в некоторых, может быть, и сохранить нынешний уровень своего присутствия (например, в Азиатском банке инфраструктурных инвестиций и/или Банке развития БРИКС).

НКО, гражданская дипломатия и «мягкая сила»

В начальном периоде новой холодной войны (2007-2014 гг.) Владимир Путин назначил главной угрозой для его России международные программы и инициативы гражданского общества. Началось с фонда Джорджа Сороса «Открытое общество», достаточно быстро к врагам России оказались причислены самые разнообразные зарубежные НКО. Сначала это были американские фонды, занимающиеся продвижением демократии и мирового порядка, основанного на правилах, — National Endowment for Democracy, USAID, USRF, международные институты Демократической и Республиканской партий США. Вскоре к ним добавились разнообразные международные организации — WWF,

Bellona, Prague Civil Society Center, группа протестантских церквей, чью деятельность считает опасной патриарх Русской православной церкви. К числу «нежелательных» были [причислены](#) институты «мягкой силы» ряда «недружественных» стран — начиная с Американского совета по международному образованию, Британского совета и фонда Генриха Белля и заканчивая длинным списком американских и европейских «мозговых центров» и даже нескольких университетов, позиция которых не устраивает РФ.

Ненависть к неправительственным организациям с хотя бы иллюзорной политической повесткой выразилась не только в присвоении статуса «нежелательной организации», но и в преследовании, в том числе уголовном, сотрудников и бывших сотрудников иностранных НКО и российских организаций, попавших в этот список как политические противники режима Путина. Путинский режим расправляется как с правозащитными организациями, так и с рядом протестантских конфессий, прежде всего со свидетелями Иеговы. В настоящее время осужденные «свидетели» составляют [самую большую](#) группу политических заключенных/узников совести в России.

По какому бы сценарию ни шло возвращение России на путь демократического транзита, аллергия на деятельность иностранных правозащитных организаций, фондов поддержки демократии и иностранных СМИ какое-то время сохранится как у постпутинского руководства РФ, так и среди значительного числа граждан. Десятилетия антиамериканской пропаганды, которая пугала граждан мифами об участии продемократических и правозащитных организаций в подготовке «оранжевой революции» в стране не проходят бесследно. Тем более что в последние два года пропаганда использует поддержку Западом Украины как «доказательство» злого умысла США и союзников в отношении России.

Для названных выше американских и европейских организаций, равно как и для объединений российской оппозиции в изгнании и независимых СМИ, движение Москвы в направлении демократического транзита будет одновременно и возможностью, и категорическим вызовом.

Еще одна работа над ошибками

Когда перестройка Михаила Горбачева открыла возможности для демократического развития, у американских неправительственных организаций и программ было преимущество, которого нет (и увы, не будет) теперь: открывающийся Советский Союз и потом Россия испытывали неподдельные дружеские чувства ко вчерашнему противнику. Изобилие капитализма и перспективы открытого мира еще не прошли проверку временем, **и советские люди рассчитывали, что перемены приведут к чему-то вроде плана Маршалла для послевоенной Европы. К сожалению, надежды разбились о подводные камни реальности, «американская мечта» не прижилась,** а многочисленные программы помощи, поддержки демократии и развития довольно быстро стали дискредитироваться — как усилиями российских спецслужб, так и, увы, самостоятельно. С середины 2010-х гг. российские власти начали открытую политику по выдавливанию оставшихся культурных, академических и образовательных иностранных и совместных организаций из России; был создан упомянутый выше жупел «оранжевых революций».

Когда и если в России снова откроется возможность демократического транзита, всем без исключения организациям, которые хотели бы помогать демократическому развитию страны³, будет необходимо не только проанализировать недостатки предыдущей попытки, но и строить новые структуры с учетом полученного опыта. Даже если их деятельность в будущей России будет легализована, американским и европейским про-демократическим организациям придется столкнуться с «критикой справа» со стороны украинских и других восточноевропейских структур, которые будут требовать от России и россиян репараций, извинений, раскаяний и уж точно не будут одобрять любую деятельность USAID или EED по российскую сторону границы.

3 Как сказано выше, мы полагаем, что основные американские институты продвижения демократии (USAID, USRF, NED, IRI, NDI), скорее всего, воздержатся от прямой работы на территории РФ, используя прокси-организации и традиционных партнеров (Freedom House, IREX). Вероятно, в новой ситуации могут пересмотреть свои позиции по работе в России и Open Society Foundation, и Internews. Почти наверняка при первой возможности возобновят работу в России германские политические фонды (Konrad Adenauer Foundation, Friedrich Ebert Foundation, Heinrich Böll Foundation), которые были активны до фактического запрета их деятельности.

В любом случае наиболее важными представляются следующие меры:

Подготовить быстрое и максимально полное восстановление образовательных и академических контактов. За почти три десятилетия это направление показало себя не только устойчивым, но и дающим глубокий эффект; молодежь будущей России должна получить максимальные возможности обучения, work & travel, просто путешествий. К сожалению, война и политические преследования инакомыслящих нанесли огромный ущерб российской академии. Большие группы ученых, преподавателей, студентов оказались в эмиграции и пытаются восстановить образовательный процесс. Их опыт и экспертиза должны быть учтены при составлении планов восстановления.

Следует **взвешенно подходить к программам поддержки и развития движений и активизма с важнейшими, но «западными» повестками (от ЛГБТК+ до условий гендерного баланса);** при составлении планов необходимо понимать, что российское общество в течение последних 15 лет натравливали на все проявления diversity & identity.

Целесообразно **повысить приоритет экологической, климатической повестки,** проблем охраны природы и биологического разнообразия — в силу минимальной «аллергии» на них у российского общества.

Поддерживать медиа сегодня, но проявить осторожность в момент транзита. Российские медиа в изгнании играют большую роль в информировании населения страны о том, что происходит, однако сохранение грантовой поддержки СМИ, которые решают вернуться в Россию «первым рейсом», крайне опасно, по крайней мере до момента восстановления полноценной законности и политического разнообразия. Имеет смысл готовить журналистов и редакторов к тому, что им предстоит заново строить медиасферу в России без американской и европейской поддержки — в том числе для того, чтобы не допустить повторения собственных и навязанных ошибок.

Поддерживать и развивать институты гражданского общества в изгнании, готовить новых лидеров всех уровней. Массовая эмиграция 2022-2023 гг. (как и более ранних лет, с 2014 г.) вынесла за границу РФ сотни тысяч молодых, энергичных, заинтересованных в переменах граждан, среди которых много активистов, журналистов, деятелей культуры и региональных политиков. Помогая их инициативам, направленным на Россию или на эмигрантские сообщества, западные гуманитарные, политические и культурные институты не только дают им возможность выжить в новой для них социальной среде, но и

способствуют возникновению новых лидеров снизу — через организацию местных сообществ, горизонтальных ассоциаций или даже политических организаций.

Одним из ключевых вызовов для постпутинской России будет наличие (и появление) новых лидеров, а также возвращение тех, кто оказался в эмиграции, и их включение во внутренние политические процессы. Как это часто уже случалось в истории страны, период мрачного изоляционизма и вражды с Европой скорее всего сменится на более открытое и даже заинтересованное отношение к западному опыту, позволяя новым лидерам быстрее двигаться и расти. Особую роль могут сыграть, например, фонды политических партий в Германии (Konrad Adenauer Foundation, Friedrich Ebert Foundation, Heinrich Böll Foundation) и США (IRI, NDI), помогая близким по взглядам молодым политикам из российской эмиграции обучаться, формулировать платформы и возможные практики будущего.

Поддержка масс, недоверие к элитам

Во время предыдущего транзита западные НКО уделяли повышенное внимание *cultivation of elite* в ущерб массовым программам. Это проявилось с самого начала, буквально с первых месяцев работы фонда «Культурная инициатива» (фонда Сороса) в СССР и России. Один из авторов имел возможность наблюдать это изнутри: задачей было открытие политической, академической и культурной элиты позднего СССР для западных ценностей, влияния и интеграции в глобальные сети. Альтернативный подход — работа с широкими группами населения, вне столиц, открытие ничем не выдающихся людей для мира и мира для них, — не вызывал у американских штаб-квартир особого интереса. Счастливыми исключениями были программы *Internews* и в какой-то мере *IREX*, через которые прошли тысячи российских журналистов и студентов.

Когда и если возможность демократического транзита вернется в Россию, фокус должен быть смещен (прежде всего для американских и европейских организаций) на программы, в которых возможно максимально широкое участие россиян. *Work & travel*, новый вариант *FLEX*, языковые курсы и возможности студенческого обмена, города-побратимы, образовательные программы для регионального и городского уровня управления — все эти инициативы должны быть кратно увеличены, когда

возникнет такая возможность. Опять же, в существенно менее затратном масштабе эти инициативы могут быть «протестированы» с участием активистов, находящихся в эмиграции; такие программы также помогут с нахождением и развитием будущих локальных лидеров перемен, которые будут остро необходимы в России будущего.

Наоборот, бывшие российские элиты, дети и члены семей окружения Путина, олигархов, даже достаточно отдаленных, и тем более силовиков должны лишиться приоритета и внимания западных организаций. Это тот редкий случай, когда сын за отца отвечает. **Исследование нынешней российской элиты, ее связей и проникновения в сети Запада должно стать инструментом ограничения привилегированного доступа к возможностям и радостям европейской и американской цивилизаций.**

Отдельный чувствительный вопрос относится к участию западных советников, юридических, лоббистских и PR-компаний в новом периоде российского транзита. Многочисленные расследования как журналистов, так и правоохранительных органов показали, что участие западных «консультантов» в транзите 1990-2020 гг. часто становилось методом циничного обогащения недобросовестных лиц как на Западе, так и в России. Циничные и беспринципные банкиры, политические и юридические консультанты — в особенности те, кто продолжал сотрудничество с путинским режимом даже после 2008-2014 гг., — значительно подорвали репутацию прежде всего США, но и европейских институтов тоже.

Впрочем, большинство западных фирм и персоналий, участвовавших в построении фашизоидного криминального государства Путина, достаточно хорошо известны благодаря расследованиям журналистов, активистов и правоохранительных органов. Возможно, важным действием по восстановлению доверия должно стать признание и извинение со стороны западных государств и профессиональных сообществ за malpractice 1990-2020 гг. в отношении России. В этом же ряду может быть законодательное или судебное ограничение возможностей работы в России для лиц и корпораций, замаскированных в олигархических и коррупционных схемах того времени (на уровне решений типа cease and desist). Эта важная (хотя и не определяющая) тема в будущих отношениях России и Запада должна быть прояснена.

Преодолеть стереотип

Многие продемократические организации (как и российские либералы) вынесли из 1990-2020-х гг. представление об общей «безнадежности» россиян в части адаптации к общим ценностям, их евроазиатской природы, глубокой и непреодолимой path dependency, генетической склонности к патернализму, шовинизму и ксенофобии. Как сформулировала одна известная российская журналистка: «Можно бесконечно смотреть на огонь, воду и то, как русские превращают в дерьмо любую хорошую идею».

Результат этого «урока» — крайняя избирательность любых программ поддержки, связанных с Россией. До 90% средств и ресурсов достаются людям и организациям, десятилетиями сотрудничающим с НКО и продемократическими институтами. Выходить за пределы этого круга считается как минимум опасным. Видимо, после перезапуска транзита потребуется значительный upgrade компетенций организаций, которые снова распространят свою деятельность на территорию России. Станет необходимым расширение круга экспертов, усиление региональных знаний и сознательный отказ от безусловной поддержки тех, кто пользовался ею десятилетиями. Для этого необходимо:

- существенно повысить уровень региональной экспертизы, прежде всего в части Юга России, Урала, Сибири и Дальнего Востока; создать и расширять сети контактов (для дополнительной экспертизы, активистской поддержки и кадров), используя потенциал эмиграции 2020-2023 гг., в среде молодых активистов, профессионалов и людей из развитых регионов;
- активно использовать инструменты гражданской дипломатии между российскими сообществами в изгнании и обществами западных (прежде всего европейских) стран, преодолевая предубеждения в отношении России и россиян; фактически необходимо создавать и поддерживать каналы Track 2 — но не только с крайне ограниченным кругом тех, кто может это делать из России, но и с эмигрантским сообществом; по аналогии с сегодняшним коммуникационным подходом в отношении Украины («военная и экономическая помощь — это инвестиции в безопасность Запада») **нужно продвигать идею, что поддержка будущей России, «России нового шанса» — это тоже инвестиции, тоже безопасность Европы и мира.**

Заключение. Постпутинская Россия в поисках путей возрождения

России будущего снова придется пройти через поставторитарный транзит. В сфере экономики он будет проще: отдельные рыночные механизмы в России уже созданы (хотя и нуждаются в глубоком реформировании). А вот в области внутренней и внешней политики ситуация будет в разы хуже, чем в начале 1990-х. В этих сферах придется начинать с минусовых отметок.

Есть основания полагать, что смена тренда внутреннего развития с жестко-репрессивного, архического и милитаристского на более открытую, пусть даже вынужденно миролюбивую и интеграционную политику с приоритетами в сфере экономического и социального развития предопределят разворот во внешней политике. Без разрядки напряженности и соответствующего обновленного и кооперационного подхода к международным делам вряд ли удастся обеспечить устойчивость новой постпутинской системы.

Несмотря на тяжелое наследие путинизма, которое существенно сузило поле для дипломатического маневра, Москва всегда будет оставаться важным международным игроком. Однако по целому ряду причин (и далеко не только из-за последствий агрессивной войны в Украине) **будущим российским политикам и дипломатам придется бороться за повышение своего статуса в международной системе.**

Отдельно необходимо подчеркнуть, что перед будущей Россией вряд ли откроется окно возможностей быстрой интеграции в сообщество передовых стран, которое потенциально существовало в период перестройки и в начале 1990-х. Причины не только в опасениях западных политиков и обществ в отношении России (как государства и поддержавших агрессивную войну россиян) и в их стремлении получить доказательства перемен внутри страны и в ее внешней политике, но и в самой России, которой понадобится время и усилия для изменения траектории. Вторая попытка демократического транзита не будет встречена цветами и восхищением, которые достались Михаилу Горбачеву в 1988-1990 гг. Вне зависимости от того, будут ли учтены рекомендации, предложенные в этой главе, западные страны отнесутся к будущим переменам намного прагматичнее, чем во времена перестройки. Соответственно, и условия примирения будут жестче и конкретнее, чем в

период предыдущего транзита.

Европейским и американским политикам и институтам, озабоченным будущим России, необходимо учитывать такое развитие событий. Именно поэтому так важны инициативы по включению политических и активистских проектов российской эмиграции в процесс осуществления текущей политики ЕС и в формулирование будущих подходов к ожидаемой второй попытке транзита. Такое сотрудничество повысит экспертизу западных организаций и институтов и поможет управлению ожиданиями (заранее завышенными) российской оппозиции.